

О. А. Кирикова

Мнение Петербургской академии наук о воспитании юного дворянина в 1730-х гг.

Любое абсолютистское государство, заинтересованное в том, чтобы его оплот — дворяне, служили ему не только шпагой, но и пером, рано или поздно принимало под свой контроль дело образования. Здесь можно вспомнить о Франции XVII в., в которой с появлением Académie Royale центральная власть монополизировала обучение дворян и тем самым приобрела действенное средство для того, чтобы «склонить их к послушанию»; или об Австро-Венгрии XVIII в., где правительство Марии-Терезии включило образовательные реформы в систему социальных мер, нацеленных на повышение общественной полезности и политической лояльности благородного сословия¹. В России начиная с XVI в. дворяне к государственной службе принуждались, а не привлекались, их успех на служебном поприще происходил скорее от природных талантов или «случая», чем от книжной учености, которая в силу православной традиции считалась ненужным и вредным «латинством»². К тому же в Московской Руси не пристрастие к книжному чтению характеризовало образованного человека, а умелое применение на практике, в профессиональной или бытовой сферах, навыков чтения и письма³. При этом обучение грамоте имело прикладной характер и долго оставалось делом частным, на которое государство не посягало. Правда, в XVII в. оно соучаствовало в нем, разрешив деятельность греко-славянских школ и инициировав создание училищных монастырей⁴. Как изящно выразился историк Т. З. Байер о царе Алексее Михайловиче, «со свойственной

ему мудростью он на многое уже, что требовалось для [процветания страны], взирал снисходительно»⁵.

Однако в условиях Нового времени нужны были не просто профессионально грамотные, но образованные люди. Не случайно среди петровских мероприятий нашлось место реформе образования, которое государство взялось контролировать и объявило союзником успешной службы. Но практиковавшееся при Петре насильственное зачисление дворян в школы заставляло относиться к учебе как к «вечному обязательству»; слабое финансирование учебных учреждений и неупорядоченное производство в чины после выпуска сформировало стереотип бесполезности образования⁶. С подобным отношением столкнулось аннинское правительство в своих попытках привить шляхетству вкус к знаниям и учебой развить природные таланты дворянских юношей, создать новое поколение полезных слуг государевых. Этот антропологический принцип в идеале предполагал охотное усвоение наук и затем их ревностное применение на государственной службе, а в ответ — справедливое повышение в чинах и званиях⁷. Архивные материалы, связанные с деятельностью Петербургской академии наук в 1730-х гг., показывают, как власть привлекала ее к «устройению» образования, когда «в России, равно прочим землям и королевствам, должны взрастать ученые люди, кои могут своей службой к славе Отечества поспешествовать»⁸.

* * *

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН), в личном фонде упоминавшегося уже профессора Т.З. Байера сохранилась анонимная немецкая рукопись с говорящим названием: «Покорное предложение о воспитании мальчика, который имеет знатное происхождение и в будущем должен составить себе счастье в гражданском состоянии» (Unmaßgeblicher Vorschlag von Erziehung eines Knabens, der vornehmer Extraction ist, und Künfftig in Civil Stande sein Glück machen soll; далее — «Предложение»)⁹. Этот документ до сих пор оставался анонимным, но почерк и слог позволяют нам считать его автором Байера. Первое удостоверяют, например, сохранившиеся в СПбФ АРАН письма¹⁰. Характерный же слог Байера: морализаторский, разбавленный уместной цитатой или красивой метафорой, виден в «мозаике» о пороке и добродетели, которую можно сложить из фрагментов «Предложения» и инструкции для преподавателей Академической гимназии, которую Байер составил и подписал как ее инспектор. Так, в последнем документе он просит учителей «удерживать [учащихся] от оскорбляющей Господа мерзости порока и призывать их к верности, кротости, терпению и состраданию по отношению к нуждающимся», а замеченное «бесчинство» «с предельной осторожностью и сколь возможной сердечностью предупреждать, дабы публичным наказанием уберечь невинные души других учеников»¹¹. Таких требовалось ограждать от всякого дурно-

го влияния, потому что, как значилось уже в «Предложении»: «*Quo semel est imbuta recens, servabit odorem testa diu*» (запах, который впитал еще новый сосуд, сохранится долгое время)¹². И наоборот, благородные помыслы и поступки следовало «раздувать, как искорки в труте»: «Заметили движение души, взлейте его, как нежный росточек, вниманием, похвалой, обильной лаской»¹³.

В отличие от авторства, датировка документа не так очевидна, поскольку анализ текста позволяет установить лишь примерные рамки работы. Прежде всего обращает на себя внимание скромное положение в предлагаемом учебном плане математики. Дворянскому мальчику надлежало пройти из нее «что-нибудь», а именно: тройное правило и дроби, после чего заняться счетоводством под наблюдением опытного купца (*sic!*); такие упражнения из практической арифметики обычно использовались для занятий с будущими финансистами, торговцами, мореходами¹⁴. Байер подкрепил свой совет словами: «*Vitae studendum erit, non otio*» (учатся для жизни, не для праздности), перефразировав упрек Сенеки тем, кто в своих ученых занятиях не знает меры¹⁵. Геометрию он и вовсе исключил из программы. Между тем, после указа «О явке недорослям в Санктпетербурге к Герольдмейстеру...» от 9 февраля 1737 г. арифметика и геометрия становились приоритетными науками для дворян, за незнание которых, как известно, 16-летних юношей ждала матросская служба «без всякаго произвождения», а родителей — штраф¹⁶. Вряд ли Байер проигнорировал бы существующие требования, значит, рукопись была создана до 9 февраля 1737 г.

Поправить датировку и дополнить наше представление об авторстве способно письмо библиотекаря И. Д. Шумахера к президенту АН Л. Л. Блюментросту от 6 июля 1730 г., в котором он пишет, что вице-канцлер гр. А. И. Остерман запросил у профессоров И. Г. Лейтмана, Г. Б. Бюльфингера, И. С. Бекенштейна и Байера проект о том, «как надлежит воспитывать и с пользой обучать юного дворянина»¹⁷. Фигура Остермана здесь не случайна: хорошо известны его инициативы в образовательных мероприятиях конца 1720-х — начала 1730-х гг.: в воспитании Петра II, в переводе на русский язык и публикации в 1731 г. написанных для него учебников и программ обучения и т. п.¹⁸ Вероятно, и «Предложение» было составлено в ответ на требование Остермана, не подписано же оно из-за того, что явилось результатом коллективного творчества. Тогда можно уточнить, что проект был подготовлен до конца 1730 г., так как один из предполагаемых авторов — Бюльфингер, покинул Россию в январе 1731 г. Конечно, он мог заочно участвовать в составлении проекта, поскольку продолжал общаться с бывшими коллегами, в том числе и с Байером, но ни в одном из его писем пока не обнаружено никаких упоминаний о подобной работе.

Обратился Остерман именно к этим сотрудникам Академии наук вполне оправданно. Так, философ Бюльфингер до приезда в Петербург служил в рыцарской академии Вюртемберга — *Collegium illustre*¹⁹. Приобретенный опыт, несомненно, пригодился ему в России при составлении «Расположения учений» Петра II и учебника новой истории²⁰. В Петербурге он стал профессором

экспериментальной и теоретической физики — науки важной для дворянского образования²¹. Другой вероятный соавтор — доктор права Бекенштейн, помимо юриспруденции, прекрасно разбирался в истории, языках, словесности, словом, «во всем, что имеет отношение к изящным наукам». И вообще, по словам знавшего его Байера, это был «во всех смыслах полезный человек»²². Поскольку Бекенштейна пригласили в Петербург прежде всего для преподавания, он читал в академии лекции не только по разным отраслям права, но и по географии и геральдике²³. Для последней он написал еще и теоретический курс, в котором геральдические приемы и термины толковал на немецком, французском и латинском языках. В отличие от коллег, профессор механики и оптики Лейтман не имел обширного преподавательского опыта. До вступления в академию он был пастором небольшого прихода в Дабрюнне, но уже тогда заявил о себе работами в области химии и физики и считался одним из лучших механиков Саксонии²⁴. В Петербурге ценили его изобретения и искусно сделанные механизмы. И самое, пожалуй, здесь главное: механика и оптика, которыми в академии занимался как раз Лейтман, Остерман уже включал в программу обучения Петра II: «Предложение о разделении часов» (1727)²⁵. Выбор Лейтмана также следует искать в плоскости личных симпатий. Известно, что к нему был расположен не только Остерман, но и Миних, и вообще «все знатные принимали его охотно» за живой нрав и веселое обхождение²⁶.

Историк и ориенталист Байер приехал в Россию в феврале 1726 г., тридцати с небольшим лет, но уже зрелым исследователем и педагогом. На момент приглашения в Петербург Байер был проректором кафедральной школы в Кенигсберге. При этом он плодотворно работал в области античности, восточных языков и истории церкви²⁷. Таким образом, как никто, Байер отвечал требованиям, предъявлявшимся к первым академикам: сочетать науку с преподаванием; не случайно в один день — 3 декабря 1725 г. с ним подписали два контракта: согласно первому, он становился профессором древностей академии, согласно второму — инспектором ее гимназии²⁸. Последний обязывал Байера написать регламент гимназии, составить для нее расписание, подготовить учебники и, главное, разработать методу преподавания, что он и сделал. Именно Байеру и его коллегам — ректорам И. Э. Фишеру и М. Шванвицу, Академическая гимназия обязана первыми инструкциями, руководствами, расписаниями²⁹. Теперь же, благодаря «Предложению», становится известно, как он представлял себе домашнее образование дворянина, который должен вступить на государственную службу. Судя по письмам секретаря Остермана проф. Х. Ф. Гросса и запискам самого Байера, вице-канцлер благоволил нашему ученому: высказывался одобрительно о его научных работах (особенно касающихся ориенталистики), одалживал ценные рукописи из личной библиотеки, заказывал специально для Байера перевод книг и документов³⁰. До сих пор считалось, что Байер обратил на себя внимание Остермана изданием в 1730 г. своей двухтомной «энциклопедии» о Китае: «Museum Sinicum»³¹. Но, возможно, это произо-

шло несколькими годами ранее: в 1726–1727 гг. В августе 1726 г. в публичном собрании академии Байер произнес похвальную речь Екатерине I. В этой речи, которую И. К. Готшед потом отнесет к «шедеврам немецкого красноречия», он показал себя не только ученым, но и тонким политиком, очень к месту подчеркнув роль женщин-правительниц в русской истории³². Еще через год Байер написал учебник по древней истории для Петра II, оказавшись, таким образом, среди тех немногих профессоров академии, кто откликнулся на пожелание Остермана и подготовил учебные пособия для юного императора³³.

Подводя итог, можно предположить, что Байер является основным автором документа, его непосредственным составителем. Вполне вероятно, что текст возник после обсуждения вопроса в кругу названных ученых и делегирования права его написания Байеру. Но также возможно, что Бюльфингер, Бекенштейн и Лейтман с самого начала уклонились от работы над проектом, и Байер в таком случае единолично его разработал и воплотил на бумаге. Но как бы там ни было, очевидно одно: круг предметов, которые стали бы читать названные профессора, превосходил гимназический курс, совместными усилиями они действительно могли бы воспитать всесторонне образованного человека, способного вложить полученные знания в свое будущее, чтобы состояться в жизни.

Проект не называет нам прямо имя ученика. Более того, в оригинале документа, в самом его названии, средствами грамматики подчеркнуто, что речь пойдет о неизвестном мальчике «знатного происхождения» или об одном из нескольких в своем роде. Так же мало можно сказать о наставнике, точно известна лишь его национальность, на которую указывают рассыпанные по тексту фразы, вроде: «нами, немцами» и «мы, немцы». Но при более близком знакомстве с документом наверняка должны обнаружиться и экстралингвистические факты, которые приведут нас к более определенным выводам.

* * *

Итак, «Предложение» — это подробная инструкция для наставника дворянского мальчика 8–9 лет, чьим образованием следовало заниматься дома, пока ему не сравняется 18. Годы здесь стали метой, разделившей процесс обучения на две большие части: с 9 до 14 и с 14 до 18 лет, из которых первая дробилась еще и погодно. Такое внимание к возрасту ученика, возможно, — дань традиции «возрастных ступеней», согласно которой 9–14 лет принадлежали периоду «*pueritia*», когда человек, подобно главному зрачку, пропускает внутрь себя лучи знаний³⁴. И знание латыни, по мнению Байера, наиболее полезно растущему организму: в учебе оно открывает суть вещей, во взрослой жизни способствует карьере, особенно высокого сановника, занятого на дипломатической службе, прежде всего в Польше. И хотя «ныне повсюду говорят по-французски, — писал Байер в “Предложении”, — я подозреваю, исходя из того, с кем соседствует сия империя, что латинскому языку должно иметь преимущество перед

французским»³⁵. Латынь, по его мнению, также была необходима секретарю важного чиновника, ученому или юристу³⁶.

Отдавая приоритет латинскому языку, Байер посвятил ему большую часть текста: двенадцать страниц первой главы (9–14 лет) против пяти, например, для истории и географии или же вовсе одной странички для философии и математики. С одной стороны, такое избыточное внимание объясняется преданным отношением Байера к этому языку, а с другой стороны, это могло быть его дискурсивное высказывание по поводу долголетней общеевропейской полемики о месте латыни в образовании, в том числе о методах и объеме ее преподавания. Так, выразитель передовых идей в области дворянского образования, философ Дж. Локк выступал против того, чтобы учителя перегружали «занятия и головы» своих питомцев латынью, знание которой готовит скорее к университету, чем к жизни³⁷. Судя по документам Академической гимназии конца 1720-х — начала 1730-х гг., некоторые родители были того же мнения и ходатайствовали об освобождении своих детей от латыни. Как следствие, гимназия стала разрешать индивидуальные учебные планы³⁸. Так, 26 февраля 1729 г. Шумахер писал Байеру о новых учениках: «Подателей сего требуется особливо обучить арифметике, геометрии, французскому языку, письму и танцам. Ежели теперь каждому позволительно изучать то, что он желает, и *никого к латинскому языку неволить нельзя* (курсив мой. — О. К.), то прошу Ваше высокоблагородие оным назначить надлежащие уроки в упомянутых науках и искусствах и проследить, чтобы они всему честно и с прилежанием научены были»³⁹. Показательна также другая записка Шумахера от 17 марта 1729 г., в которой он просил Байера выдать подполковнику Ф. А. фон Бандемеру свидетельство о том, что 18-летний сын его Мориц-Фридрих обучался «во всех приличествующих юному дворянину науках и искусствах, а именно: в фехтовании, танцах, рисовании, потребных европейских языках, математике и особливо в фортификации»⁴⁰. Как мы видим, среди перечисленных предметов нет латыни, которую профессиональный военный фон Бандемер считал лишней для своего сына, определяющегося, очевидно, на военную службу. Но все же подобное безразличие к латыни было частным явлением, латынь долго не сдавала позиций.

Помимо латыни, в обязательный языковой курс «Предложения» Байер включил также немецкий, русский и французский языки, которые дома, в отличие от гимназии, давались в процессе общения. Например, наблюдая за успехами ученика в немецком чистописании, воспитатель в беседах должен был исправлять ошибки, «противоречащие духу языка»⁴¹. Кроме того, чтобы научиться красиво и грамотно писать и говорить по-немецки, Байер рекомендовал многотомник И. Х. Люнига «Речи и письма великих мужей». Немецкое и русское письмо следовало также осваивать по лучшим канцелярским образцам. Особенно это касалось русского языка как языка государственного, на котором велось все официальное делопроизводство. В связи с этим автор «Предложения» считал крайне полезным, чтобы ученик по часу в день занимался копиро-

ванием правительственных указов, распоряжений и тому подобных документов. «Ибо, — писал он, — нет способа вернее постичь образцовый язык, а заодно и природу придворного стиля...»⁴²

Рассуждая об уроках французского языка, Байер настаивал на том, что первым его учителем должен стать носитель языка, который научит правильно говорить. «Хуже, если мальчик приобретет плохое произношение, нежели вообще не выучит ни слова по-французски за год», — не сомневался наш автор, считавший «особым изяществом» не знание грамматики, а истинный выговор⁴³. Но после постановки произношения, по его мнению, следовало искать другого учителя. Теперь был нужен «добрый француз» (einen guten Frantzosen), который бы иногда, в часы досуга, замещал воспитателя. «Я не знаю, как так получается, но это правда, что от французов здесь больше пользы, чем от нас, немцев, — признавался Байер в “Предложении”. — Они вдохновенно без умолку болтают, задают много вопросов и при этом что есть силы резонерствуют. Для молодого человека такое непринужденное общение и приятно, и полезно. Мы же, немцы, в подобных случаях бываем либо чересчур задумчивы, либо серьезны»⁴⁴. В этом месте Байер не в пример эмоционален, будто вспоминает о ком-то конкретном. Например, об Иоганне Конраде Геннингере, который короткое время служил под его началом в Академической гимназии. В 1726 г. Геннингер поступил туда гувернером, но в том же году перешел в дом к кн. А. Д. Меньшикову воспитателем его 12-летнего сына, как раз на смену учителю-немцу⁴⁵. Геннингер был не француз, швейцарец по национальности, но в остальном подходил под данное Байером описание. «Он был лицензиатом медицины, не врач или просто не желал им быть, — писал о Геннингере также знавший его историограф Г. Ф. Миллер. — Он больше прилежал, что называется, к галантным наукам. Свободно владел французским языком, знал английский, прекрасно рисовал, писал миниатюры, играл на разных инструментах и при этом был человеком тонкого обхождения»⁴⁶.

Уроки языка, а также другие специальные предметы: история, география, математика, рисование и т. д., существовали, разумеется, и в Академической гимназии, однако был в домашнем обучении предмет, в гимназии отсутствовавший: «Экономика и беседа с людьми разного звания». Во время этих занятий наставник должен был рассказывать, а в часы досуга показывать ученику, как живут жители городов и сел, чтобы юный дворянин мог узнать их «поведение, пользу и пороки» и познакомиться с тем, как работают ремесленники, художники, ученые, инженеры, купцы, солдаты; так orbis animatus подменял orbem pictum⁴⁷. По понятным причинам в гимназии не было нужды специально обучать «беседам», ведь там вместе учились дети из разных слоев общества. Данный социальный аспект имел как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, как замечал в «Предложении» Байер, «у школ есть два особых преимущества в том, что, во-первых, юноши через товарищество поощряются к соревнованию, а во-вторых, разговорами учатся общаться

с людьми разного свойства»⁴⁸. С другой, усваивая в таком общении ценности и нормы общества, юный дворянин подвергался его «злому» влиянию, а это отражалось на учебе и дисциплине, что произошло, по-видимому, со старшим сыном гр. К. Скавронского — Антоном. В феврале 1729 г. учитель Академической гимназии М. Шванвиц пожаловался графу на непристойное поведение его сына. Жалоба так удручающе подействовала на родителя, что он тем же днем написал инспектору Байеру, чтобы тот распорядился «приучить» нерадивого юношу к учебе и дисциплине. «Но ежели сын наш и дальше выкажет упрямство и не проявит усердия в учебе, — уточнял Скавронский-отец, — прошу сына нашего наказать по академическому обычаю, дабы он с самого начала усвоил урок, а мы ему покровительствовать не станем»⁴⁹. Судя по документам, Байер сам смотрел за молодым Скавронским и уже через год добился успеха, заслужив благодарность родителей⁵⁰. Таким образом, дилемму: как социализировать и в то же время не упустить ученика, Байер решал посредством кураторства, которое было доступно для «весомых» учеников. Не случайно в 1731 г. В. Н. Татищев рассматривал Академическую гимназию как вариант для сына Евграфа, до этого учившегося на дому. Для него гимназия обещала наилучшие условия для занятий гуманитарными и математическими науками, а также «приличествующими» благородному человеку танцами, рисованием и живописью, и возможность учиться по индивидуальному плану под наблюдением личного наставника, нанятого со стороны или в самой академии⁵¹. Конечно, «академическое» наставничество предполагало расходы и большинству родителей просто было не по карману, а преподавателям-ученым — в тягость, поэтому использовалось оно нечасто. В связи с этим в инструкции для учителей Академической гимназии 1732 г. Байер предлагал иной путь: наблюдать за теми, кто хоть раз был замечен в безнравственном поведении, чтобы «они не воспользовались случаем соблазнить других»⁵². При обучении же на дому Байер видел возможность провести предварительный отбор и «допустить к урокам мальчика из горожан с хорошими манерами и живым характером, а также пару детей прислуги»⁵³. Такое совместное обучение, по его мнению, прививало бы юному дворянину навык общения с «нравственными людьми разного рода», экскурсии под руководством воспитателя в дома горожан и сельских жителей знакомили бы с миром за стенами дворца, а придворная служба, начиная с 16 лет, способствовала дальнейшей социализации. Учеба должна была завершиться путешествием, например во Францию, чтобы повзрослевший ученик мог окончательно отшлифовать там манеры и язык⁵⁴.

* * *

Итак, допустим, «Предложение» было нацелено на юного дворянина вообще, что оно часть единого замысла по воспитанию и образованию будущей элиты государства, куда входили и продуманный Байером в 1728 г. проект дворянской семинарии⁵⁵, и план 1730 г. об устройении в Москве «малой» ака-

демии под покровительством императрицы⁵⁶, и инициированный Остерманом в 1731 г. перевод на русский язык «Расположения учений» Петра II, а на немецкий — «Мнения» Феофана Прокоповича о воспитании «багрянородного отрока»⁵⁷. Но возникает вопрос: отчего вице-канцлер задумался о воспитании некоего знатного мальчика именно в июне — июле 1730 г., в первые полгода нового царствования, так непросто устроившегося, когда формировался новый государственный орган — Кабинет министров, перестраивался двор, начиналась опала одних и фавор других? Известно, как Остерман чувствовал момент, как точно оценивал ситуацию; трудно представить, чтобы в столь непростое время он занимался чем-либо из чисто филантропических соображений. Естественно будет предположить, что столь искусно сделанное «Предложение» предназначалось для мальчика не просто из знатной, как сказано в его заглавии, но из влиятельной семьи уровня Остермана. Вспомним еще, что непосредственный исполнитель замысла — профессор Байер, тогда был плотно занят восточными исследованиями, отрываться от которых для него было в тягость⁵⁸. И тем не менее он взялся за обширный педагогический труд; вряд ли Байер стал это делать только для того, чтобы изложить в деталях свой взгляд на дворянское образование. Кроме того, как мы помним, судьбой проекта интересовались и руководители академии: Блюментрост и Шумахер. Видимо, у всех у них была на то крайне важная причина. Попробуем в ней разобраться.

При Петре II Академия наук финансировалась и управлялась крайне небрежно, из-за чего испытывала большие трудности, чтобы решить их, профессора еще в январе 1729 г. обратились за помощью к императору; среди прочего они просили его назначить себе «патрона», который станет их «особливым старателем»⁵⁹. Просьба эта не была выполнена, и с воцарением Анны Иоанновны академия возобновила поиски покровителя, развив особую активность в 1731 г. Согласно документам, именно в тот год с подачи близкого ко двору камергера И. А. Корфа (будущего президента АН) и с одобрения Остермана и Миниха прозвучало имя Э. И. Бирона⁶⁰. Однако исследователи не учитывали прежде письмо Шумахера к Миллеру от 18 мая 1730 г., в котором он уже сообщал о возможном покровительстве Бирона и просил как можно скорее изменить посвящение в книге Бекенштейна по геральдике с И. А. Долгорукова на Бирона⁶¹. Может быть, и «Предложение» посвящалось этому потенциальному протектору? В пользу версии о том, что его могли составить для детей Бирона, говорит тот факт, что в их воспитании действительно участвовал «природный француз» — П.-Л. Леруа. Его специально пригласили в Россию в 1731 г. для старшего сына Бирона — Петра, в 1738 г. он уже занимался с младшим мальчиком — Карлом-Эрнстом. В таком случае понятна и инициатива Остермана, который таким образом искал расположения нового фаворита, ведь многоумный вице-канцлер знал по опыту, какие перспективы открываются перед наставником влиятельного ученика.

Пока не удалось установить, дошло ли «Предложение» до адресата или нет, но в одном можно не сомневаться: в 1730-х гг. Петербургская академия наук создавала проекты, способные удовлетворить запрос государства на качественное образование для дворян. Его уровень, независимо от формы обучения, всегда оставался высоким, поскольку учебные планы и пособия, применявшиеся и дома, и в гимназии, были схожи, а преподавали по ним зачастую члены академии или связанные с ней лица. Каждая из форм обучения имела свои сильные и слабые стороны, решение зависело от личных пристрастий и, разумеется, материальных возможностей родителей. В этом отношении у Академической гимназии было даже преимущество: учились в ней бесплатно, и при этом можно было выбирать по себе не только предметы, но и наставника. В 1730-х гг. Академия наук располагала квалифицированными научными и педагогическими кадрами, чтобы составлять на заказ любые образовательные планы, и была готова их реализовывать. Как в случае с проектом, составленным профессором Т. З. Байером для домашнего обучения, предположительно, детей Э. И. Бирона в 1730 г.

¹ *Conrads N. Ritterakademien der Frühen Neuzeit. Göttingen, 1982. S. 75–79; Хаванова О. В. Усердие, честолюбие и карьера. Чиновничество в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма. М., 2018.*

² *Кошелева О. Е. Учитель и учительство в допетровской Руси и в период петровских преобразований // Учитель и ученик: становление intersубъективных отношений в истории педагогики Востока и Запада (цивилизации древности и Средневековья) / Под ред. Н. Б. Баранниковой и В. Г. Безрогова. М., 2013. С. 640–641.*

³ Там же. С. 656.

⁴ Там же. С. 640; *Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.*

⁵ *Lobrede an die weil. Russische Kaiserinn Katharina, bey Einweihung der Akademie der Wissenschaften zu Petersburg, gehalten, von Theoph. Siegfried Bayern, P. P. aus Königsb. in Preußen // Johann Christoph Gottscheds Ausführliche Redekunst, usw. Leipzig, 1759. S. 611–612. Здесь и далее перевод мой. — О. К.*

⁶ Проект И. Э. Фишера, 1733 г. (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 5. Л. 33 — 33 об.).

⁷ *Федюкин И. И. «От обоих истинное шляхетство»: Сухопутный шляхетный кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731–1762 // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / Под ред. В. С. Ржеуцкого, И. И. Федюкина, В. Береловича. М., 2018. С. 247.*

⁸ Проект И. Э. Фишера, 1733 г. (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 5. Л. 28).

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 — 26 об.

¹⁰ Там же. Оп. 2 (Переписка).

¹¹ *Instruction vor Rector und Collegien wie auch übrige Informatores des Kayserlichen Gymnasii, 11 сентября 1732 (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 103. Л. 1).*

¹² СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 34. Л. 7. Перевод по: *Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Ред. пер., вступ. ст., коммент. М. Гаспарова; пер. с лат. Н. Гинцбурга. Т. I, II. М., 1970. С. 327.*

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 34. Л. 6 об.

- ¹⁴ Там же. Л. 3 об., 16 — 16 об., 25.
- ¹⁵ Там же. Л. 16 об. У Сенеки: «И учимся для школы, а не для жизни» (Non vitae, sed scholae discimus). См.: *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию / Отв. ред. М. Л. Гаспаров; перевод, прим. С. А. Ошерова. М., 1977. Письмо CVI, 12.
- ¹⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. X (1737–1739). № 7171.
- ¹⁷ Письмо 6 июля 1730 г. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 133 об.).
- ¹⁸ Письма 29 июля и 19 октября 1731 г. (Там же. Л. 225 — 225 об., 242 об.); *Смагина Г. И., Лавринович М. Б.* Учился ли Петр II и чему? «Расположение учений императора Петра II» в политическом и академическом контекстах эпохи // «Регулярная академия учреждена будет...»: образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Науч. ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2014. С. 127–175.
- ¹⁹ *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 82.
- ²⁰ Там же. С. 86; *Смагина Г. И., Лавринович М. Б.* Учился ли Петр II и чему? С. 134.
- ²¹ *Хаванова О. В.* Врожденное благородство и ученое превосходство: Венский Терезианум как сословный образовательный идеал второй половины XVIII века // Идеал воспитания. С. 278, 286.
- ²² Материалы для истории Императорской академии наук (МАН): в 10 т. Т. VI: История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжением И.-Г. Штриттера (1725–1743). СПб., 1890. С. 54.
- ²³ *Копелевич Ю. Х.* Основание. С. 92, 98, 142.
- ²⁴ *Пекарский П. П.* История. С. 226.
- ²⁵ *Смагина Г. И., Лавринович М. Б.* Учился ли Петр II и чему? С. 132.
- ²⁶ Там же. С. 232, 234.
- ²⁷ См. подробнее: *Фролов Э. Д. Г. З.* Байер и начало антиковедения в России; *Пумпян Г. З., Федосеева М. В.* Байер и русское востоковедение // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской академии наук. СПб., 1996. С. 7–21, 22–28.
- ²⁸ «Гимназический» контракт Т. З. Байера (СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 70. Д. 2. Л. 30 — 31 об.); «Профессорский» контракт Т. З. Байера (МАН. Т. I. СПб., 1885. С. 150. Док. № 305; ошибочно датирован 13 октября 1725 г., см.: *Копелевич Ю. Х.* Основание. С. 92).
- ²⁹ См., например, за 1732 г.: инструкция ректору и преподавателям, «Каталог лекций», «Каталог книг» (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 103. Л. 1 — 5 об., 6–8).
- ³⁰ Theophilus Sigefridus Bayer. Regio montanus, [1733] (Там же. Оп. 5. Д. 1056. Л. 22 об.); письма 21 декабря 1730 г. и 21 октября 1731 г. (Там же. Ф. 784. Оп. 2. Д. 3. Л. 72, 135 об.).
- ³¹ *Кулябко Е. С., Перельмутер И. А.* Из научной переписки петербургских ученых (обзор архивных материалов) // Страны и народы Востока: сб. статей / Под общ. ред. Д. А. Ольдерогге. Вып. VIII. География, этнография, история. М., 1969. С. 136.
- ³² Lobrede an die weil[and] Russische Kaiserinn. S. 610–611; *Копелевич Ю. Х.* Основание. С. 107.
- ³³ *Смагина Г. И., Лавринович М. Б.* Учился ли Петр II и чему? С. 129–130.
- ³⁴ *Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Пер. с фр. Я. Ю. Старцева и В. А. Бабинцева. Екатеринбург, 1999. С. 32.
- ³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 34. Л. 7 об. — 8.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Локк Дж.* Мысли о воспитании // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. III / Ред. и сост. тома, автор прим. А. Л. Субботин. М., 1988. С. 492 (§ 94).
- ³⁸ *Кулябко Е. С. М. В.* Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.; Л., 1962. С. 54.
- ³⁹ Письмо 26 февраля 1729 г. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 44).
- ⁴⁰ Письмо 17 марта 1729 г. (Там же. Л. 70).
- ⁴¹ Там же. Л. 13.
- ⁴² Там же. Л. 24 об.
- ⁴³ Там же. Л. 13 об.

- 44 Там же.
 45 МАН. Т. VI. С. 38.
 46 Там же.
 47 СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 34. Л. 17 – 17 об., 26 – 26 об.
 48 Там же. Л. 1 – 1 об.
 49 Письмо 2 февраля 1729 г. (Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 171 об.).
 50 Письмо 8 января 1730 г. (Там же. Д. 3. Л. 5).
 51 Письма 13 мая и 27 октября 1731 г. (Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 208, 245 об.).
 52 Инструкция 1732 г. (Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 103. Л. 1 об.).
 53 Там же. Ф. 784. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об. – 2.
 54 Там же Л. 24 об.
 55 Письмо 30 декабря 1728 г. (Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Л. 2).
 56 «Plan d'une espèce d'Académie, etc.» (Там же. Р. I. Оп. 70. Д. 4. Л. 2 – 13 об.).
 57 Письма 19 и 25 октября 1731 г. (Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 242 об., 244).
 58 Автобиография Т. З. Байера, [1733] (Там же. Ф. 21. Оп. 5. Д. 1056. Л. 22 об.).
 59 МАН. Т. I. С. 447. Док. № 652 (§ 3).
 60 Письмо [1731] (СПбФ АРАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 4. Л. 159–160); *Копелевич Ю. X.* Основание. С. 119–120.
 61 Письмо 18 мая 1730 г. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 141).

References

- ARIËS F. *Rebenok i semeinaya zhizn' pri starom poryadke* / Per. s fr. Ya. Yu. Startseva i V.A. Babintseva [Child and family life under the old regime. In Russ.]. Ekaterinburg, 1999.
- FEDYUKIN I. I. "Ot oboikh istinnoe shlyakhetstvo": *Sukhoputnyi shlyakhetnyi kadetskii korpus i konstruirovaniye poslepetrovskoi elity, 1731–1762* // *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka* / Pod red. V.S. Rzhetskogo, I.I. Fedyukina, V. Berelovicha ["True nobility from both": The Noble Cadet Corps and formation of the post-Petrovian elite, 1731–1762 // *Ideal of the nobility education in Europe: 17–19 centuries*. In Russ.]. Moscow, 2018. S. 245–273.
- FONKICH B. L. *Greko-slavyanskije shkoly v Moskve v XVII veke* [Greek Latin schools in Moscow in the 17th century. In Russ.]. Moscow, 2009.
- FROLOV E. D. *G. Z. Baier i nachalo antikovedeniya v Rossii* // Gotlib Zigfrid Baier – akademik Peterburgskoi akademii nauk [Bayer and the beginning of classics in Russia // Gottlieb Siegfried Bayer, an academician of Petersburg Academy of Sciences. In Russ.]. St. Petersburg, 1996. S. 7–21.
- KHAVANOVA O. V. *Vrozhdennoe blagorodstvo i uchenoe prevoskhodstvo: Venskii Terezianum kak soslovnij obrazovatel'nyi ideal vtoroi poloviny XVIII veka* // *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka* / Pod red. V.S. Rzhetskogo, I.I. Fedyukina, V. Berelovicha [Innate nobility and educated superiority: Wien Theresianum as an aristocratic educational ideal of the second part of the 18th century // *Ideal of the nobility education in Europe: 17th–19th centuries*. In Russ.]. Moscow, 2018. S. 274–295.
- KHAVANOVA O. V. *Userdie, chestolyubie i kar'era. Chinovnichestvo v monarkhii Gabsburgov v epokhu prosveshchennogo absolutizma* [Zeal, ambition, and career. Habsburg bureaucracy in the era of Enlightened absolutism. In Russ.]. Moscow, 2018.
- KONRADS N. *Ritterakademien der Frühen Neuzeit*. Göttingen, 1982.
- KOSHELEVA O. E. *Uchitel' i uchitel'stvo v dopetrovskoi Rusi i v period petrovskikh preobrazovanij* // *Uchitel' i uchenik: stanovlenie intersub'ektivnykh otnošenij v istorii pedagogiki Vostoka i Zapada (tsivilizatsii drevnosti i Srednevekov'ya)* / Pod red. N.B. Barannikovoi i V.G. Bezrogova [Teacher and teaching in pre-Petrovian Russia and during Peter's reforms // *Teacher and pupil: establishment of intersubjective relations in the history of Eastern and Western pedagogy (ancient and medieval civilizations)*. In Russ.]. Moscow, 2013. S. 627–660.
- KULYABKO E. S. M. V. *Lomonosov i uchebnaya deyatelnost' Peterburgskoi akademii nauk* [M. V. Lomonosov and educational activity of Petersburg Academy of Sciences. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1962.

KULYABKO E. S., PEREL'MUTER I. A. *Iz nauchnoi perepiski peterburgskikh uchenykh (obzor arkhivnykh materialov)* // Strany i narody Vostoka: sb. statei / Pod obshch. red. D. A. Ol'derogge. Vyp. VIII. Geografiya, etnografiya, istoriya [Some of the letters by Petersburg scientists (review of archival materials) // Countries and peoples of the East: collected articles. In Russ.]. Moscow, 1969.

Lobrede an die weil. Russische Kaiserinn Katharina, bey Einweihung der Akademie der Wissenschaften zu Petersburg, gehalten, von Theoph. Siegfried Bayern, P. P. aus Königsb. in Preußen // Johann Christoph Gottscheds Ausführliche Redekunst, Nach Anleitung der alten Griechen und Römer, wie auch der neuern Ausländer; in zweenen Theilen verfasst; und itzo mit den Zeugnissen der Alten und Exempeln der größten deutschen Redner erläutert. Statt einer Einleitung ist das alte Gespräch, von den Ursachen der verfallenen Beredsamkeit, vorgesetzt. Die 3. Auflage. Leipzig, 1759. S. 607–622.

LOCKE J. *Mysli o vospitanii* // Sochineniya: v 3 t. T. III / Red. i sost. toma, avtor prim. A. L. Subbotin [Thoughts about education // Collected works. Vol. III. In Russ.]. Moscow, 1988.

Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk (MAN): v 10 t. T. I. St. Petersburg, 1885; T. VI: *Istoriya Akademii nauk G.-F. Millera s prodolzheniem I.-G. Shtrittera (1725–1743)* [Materials for the history of Imperial Academy of Sciences. Vol. I, VI: Academy of Sciences history by G. F. Müller, proceeded by I.-G. Stritter (1725–1743). In Germ.]. St. Petersburg, 1890.

PEKARSKII P. P. *Istoriya Imperatorskoi akademii nauk v Peterburge*. T. I [History of Imperial Academy of Sciences in Petersburg. Vol. I. In Russ.]. St. Petersburg, 1870.

PUMPYAN G. Z., FEDOSEEVA M. V. *Baier i russkoe vostokovedenie* // Gotlib Zigfrid Baier – akademik Peterburgskoi akademii nauk [Bayer and Russian oriental studies // Gottlieb Siegfried Bayer, an academician of Petersburg Academy of Sciences. In Russ.]. St. Petersburg, 1996. S. 22–28.

QUINTUS GORATSIUS FLACCUS. *Ody. Epody. Satiry. Poslaniya* / Red. per., vstup. st., komment. M. Gasparova; per. s lat. N. Gintsburga. T. I, II [Odes, epodes, satires, letters. Vol. I, II. In Russ.]. Moscow, 1970.

SENECA L. A. *Navstvennyye pis'ma k Lutsiliyu* / Otv. red. M. L. Gasparov; perevod, prim. S. A. Osherova [Moral letters to Lucilius. In Russ.]. Moscow, 1977.

SMAGINA G. I., LAVRINOVICH M. B. *Uchilsya li Petr II i chemu? "Raspolozhenie uchenii imperatora Petra II" v politicheskom i akademicheskom kontekstakh epokhi* // "Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...": obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka / Nauch. red. I. I. Fedyukina, M. B. Lavrinovich [Did Peter II study or not, and what did he study at all? "Peter II's curriculum" in the political and academical context of the epoch // "Regular Academy should be founded": an educational project in Russia in the first half of the 18th century. In Russ.]. Moscow, 2014. S. 127–175.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

О. А. Кирикова. Мнение Петербургской академии наук о воспитании юного дворянина в 1730-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2022. № 1. С. 59–72

Аннотация: В 1730-е гг. члены Петербургской академии наук участвовали в формировании идеала и практик дворянского образования в России. В силу того, что академия являлась одновременно научным и просветительским центром, ее профессора читали лекции, писали учебники, занимались частным преподаванием, составляли образовательные проекты. Самым заметным среди них был инспектор Академической гимназии профессор Т. З. Байер. Обнаруженная в его личном фонде анонимная рукопись о воспитании мальчика-дворянина, который в будущем намерен добиться успеха в гражданской службе, сообщает новые сведения об академических наставниках и их роли в дворянском образовании.

Ключевые слова: дворянское образование, Петербургская академия наук, Академическая гимназия, Т. З. Байер.

FOR CITATION

O. A. Kirikova. Petersburg Academy of Sciences' opinion on the education of a young man of noble birth in 1730s // Petersburg Historical Journal, no. 1, 2022, pp. 59–72

Abstract: The members of Petersburg Academy of Sciences played part in developing the ideal and practices of noble education in Russia during 1730s. At the time the Academy was meant to be both a scientific and educational center, that is why its professors used to deliver lectures, prepare textbooks, give private lessons, draw educational projects, etc. The most remarkable person among them was inspector of the Academy's Gymnasium prof. T. S. Bayer. Being among his personal papers, an anonymous manuscript relating to the education of a noble boy who was going to be successful in his civil state, provides new information about the Academy tutors and their participation in aristocratic education.

Key words: aristocratic education, Petersburg Academy of Sciences, Academy's Gymnasium, T. S. Bayer.

Автор: Кирикова, Ольга Александровна — ст. науч. сотрудник СПбФ АРАН, аспирант СПбИИ РАН.

Author: Kirikova, Olga Aleksandrovna — senior researcher of St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences, PhD student at St. Petersburg Institute of History of RAS.

E-mail: kirikova.o@bk.ru